

МНЕМО-КИНЕТИК

Осколки памяти

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

марк дан

Марк Дан

Мнемо-кинетик. Осколки памяти

«Автор»

2026

Дан М.

Мнемо-кинетик. Осколки памяти / М. Дан — «Автор», 2026

В Этернополисе чужие воспоминания продают на вес. Мои — сгорают дотла. Меня зовут Дариан Вейл. Когда-то я носил погоны элитного Стирателя на Верхнем Ярусе, а теперь гнию в трущобах под вечным дождем. Я расследую грязь Нижнего Яруса с помощью мнемо-зрения. Плата за каждую каплю магии — навсегда стертый кусок моего собственного прошлого. Простой поиск пропавшего архивариуса обернулся ловушкой. В глухом переулке меня ждал труп, переплавленный в кристалл памяти. Считаю последние секунды жизни убитого, я услышал голос. Голос сестры, которую похоронил много лет назад. «Беги, Дариан». Они уже идут по моему следу. Чтобы докопаться до правды, мне придется применить силу на максимум. Но что останется от меня самого, когда сгорит последнее воспоминание?

© Дан М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	23

Марк Дан

Мнемо-кинетик. Осколки памяти

Глава 1

Глава 1.Осколок на мостовой

В Нижнем Ярусе дождь не падал. Он стекал по городу, будто Этернополис кто-то медленно поливал из ведра с ржавой водой. Струи ползли по чугунным ребрам эстакад, дробились о кабели, шипели на крышках теплотрасс. В свете рекламных труб каждая лужа казалась большим зеркалом. В ней плавали неоновые буквы, окурки, масляная пленка и белая кристалльная пыль — отходы мнемо-заводов, настолько мелкие, что их невозможно было вымести из швов мостовой.

Дариан Вейл шел по улице Плавильщиков, прижимая левую руку к боку. Не от боли. Просто так серебристые шрамы под рукавом меньше цеплялись за холод. Свинцовая подкладка графитового пальто глухо шуршала при каждом шаге, тяжелая и мокрая. Пальто стоило ему половины последней приличной зарплаты еще тогда, когда на его жетоне было выбито слово «следователь», а люди открывали двери до второго стука. Теперь двери обычно не открывали вообще.

Теперь двери обычно не открывали вообще.

— Вейл?

Голос донесся из-под козырька лавки, где продавали восстановленные зубные импланты и нелегальные обереги от считывания памяти. Там стояла женщина лет сорока с намокшей сеткой на волосах. Под сеткой блестели медные контакты. На руках — перчатки без пальцев, между пальцами зажата сигарета, отсыревшая настолько, что дым от нее шел тонкой кислой струйкой.

— Зависит от суммы, — сказал Дариан.

— Вы детектив?

— Уже дешевле.

Она не улыбнулась. Протянула ему бумажную карточку. Бумага в Этернополисе давно стала роскошью, поэтому Дариан сразу посмотрел на нее внимательнее, чем на женщину.

«Торренс Вард. Архивариус третьей категории. Дом 18, коллекторный сектор. Не выходит на связь тридцать шесть часов».

— Брат? Муж?

— Клиент. Он должен был передать мне родословную мужа. Для суда. Если я не докажу линию до старой регистрации, Верхние отберут мастерскую.

— И вы думаете, его убили из-за вашей мастерской?

Женщина втянула дым и кашлянула, отвернувшись.

— Я думаю, что он взял задаток и нажрался. Найдите его. Если жив — притащите. Если нет — заберите папку.

Рутинный заказ. Таких у Дариана было по три в неделю. Пропавшие работники, беглые любовники, украденные долговые расписки. Иногда — поиск чужого воспоминания, проданного в игорном доме. Никаких заговоров. Никаких судей. Никакой магии выше бытового уровня.

Он назвал цену.

Женщина выругалась, сбила треть, согласилась на половину вперед. Монеты легли в ладонь холодными кружками. Дариан убрал их во внутренний карман и направился к коллекторному сектору.

Дом 18 стоял под эстакадой, в вечной тени. Верхние опоры там сочились конденсатом. Вода капала с высоты двадцати метров и была по железной крыше с размеренностью похоронного барабана. Дариан поднялся по лестнице на четвертый этаж. На площадке пахло мокрой известью, кислой капустой и озоном.

Озон был лишним.

Он остановился.

Под рукавом кольнуло. Серебряные шрамы вспыхнули под кожей тонкими нитями, от запястья к локтю. Их свет не пробил ткань, но Дариан увидел его краем глаза там, где манжета чуть задралась.

Дверь квартиры архивариуса была закрыта. Замок цел. Косяк цел. Пыль у порога — нет. Кто-то входил недавно.

Дариан достал из кармана плоский ключ-отмычку, вставил между пластинами замка. Три сухих щелчка. Четвертый механизм сопротивлялся. Он надавил сильнее.

Щелк.

Внутри было темно.

Дариан не включил свет. Снял с пояса короткий фонарь, прикрыл линзу ладонью и пропустил узкий луч по стене.

Книги.

Сотни книг.

Не декоративные муляжи Верхнего Яруса и не дешевые перепечатки на полимерной пленке. Бумажные корешки, тканевые переплеты, картонные папки. Они стояли от пола до потолка. Между стеллажами висели стеклянные трубки с голубой жидкостью. Над письменным столом тускло светила карта старого Этернополиса — еще без деления на ярусы.

На полу хрустнуло.

Дариан посмотрел вниз.

Кристалл.

Маленький прозрачный осколок лежал у носка ботинка. В его глубине дрожал багровый отблеск, как застывшая капля закатного света.

Шрамы на руке дернулись.

— Черт.

Он поднял фонарь выше.

Архивариус сидел за столом.

Вернее, то, что осталось от архивариуса.

Кожа на лице превратилась в полупрозрачное стекло. Вены темнели внутри, неподвижные, тонкие. Глаза были открыты и тоже кристаллизированы, только зрачки сохранили матовую черноту. Руки лежали на столе, пальцы вцепились в края папки. На шее тянулась трещина. Она уходила под воротник и разветвлялась по груди.

Так умирали не от ножа и не от пули.

Так умирали, когда из человека выжигали память быстрее, чем мозг успевал умереть.

Дариан видел такое однажды.

Он не помнил где.

Мысль зацепилась за пустое место, и внутри черепа стало холодно. Там была комната. Белая? Нет. Крик. Чей-то голос. Потом провал, аккуратный, как вырванный лист.

Он стиснул зубы и подошел к столу.

Тело потрескивало от вибрации шагов. Плечо архивариуса осыпалось тонкой стеклянной крошкой. Она пахла старой кровью и чем-то сладким, почти цветочным. Так пахло высокока-

чественное мнемо-стекло, которое легально продавали только лицензированным домам Верхнего Яруса.

На столе не было папки с родословной.

Не было вообще ни одной подписанной папки.

Зато лежал пустой футляр из черного дерева. Внутренняя выемка имела форму узкого кристалла длиной с мизинец.

Дариан провел пальцем по бархату. Тепло.

Совсем недавно.

За спиной тихо скрипнула половица.

Он развернулся, выхватывая пистолет.

Пустой коридор.

Капля воды пробилась через потолок и ударила по полу.

Еще одна.

Дариан удерживал ствол на уровне груди, пока дыхание не стало ровнее. Потом шагнул в спальню. Окно открыто. За ним — пожарная лестница. На подоконнике грязный отпечаток сапога. Узкий каблук. Военный тип подошвы.

Он выглянул наружу.

Внизу ревели трубы, проезжал грузовой трамвай. Людей на улице почти не было. В сорока метрах качалась вывеска «СНЫ НА ЧАС». Под ней женщина в красном плаще спорила с торговцем рыбой. Любой, кто вышел через окно пять минут назад, уже растворился в Нижнем Ярусе.

Дариан вернулся к телу.

Можно было вызвать патруль. Правильный поступок. Бывший следователь внутри него даже подsunул привычную последовательность — не трогать, огородить, зафиксировать, дожидаться экспертов.

Бывшего следователя давно никто не спрашивал.

Он убрал пистолет.

На груди архивариуса что-то блеснуло.

Под рубашкой, среди кристаллических ребер, висел амулет. Серебряный круг с тремя насечками. Дариан коснулся собственного медальона под рубашкой — такой же металл, но без знаков. Он носил его столько лет, что перестал ощущать вес.

От прикосновения шрамы на левой руке вспыхнули сильнее.

Тело архивариуса ответило тихим звоном.

Нет.

Не тело.

Осколок памяти.

Он сидел в трещине у основания шеи, почти прозрачный. Если бы не свет шрамов, Дариан его бы не увидел.

— Не надо, — сказал он себе.

Рука уже тянулась.

Считывание чужого мнемо-стекла без фильтра было плохой идеей. Считывание после насильственной экстракции — способом проснуться без имени. Стеклоанная кровь не различала, что твое, а что чужое. Ей нужен был топливный материал. Воспоминания горели одинаково охотно.

Дариан обернул пальцы платком и вытащил осколок.

Левая ладонь свело.

Серебряные рубцы под кожей стали белыми.

— Пять секунд, — пробормотал он. — Только вход.

Он прижал кристалл к шраму на запястье.

Боль пришла без предупреждения.
Не удар. Не ожог. Будто в руку загнали тонкую металлическую проволоку и потянули ее вверх по нервам, к плечу, шее, затылку. Дариан согнулся, упершись коленом в край стола.
Комната исчезла.
Сначала был запах.
Сухая бумага. Горячий металл. Озон.
Потом чужие пальцы — архивариусовы — перебирали карточки в подземном хранилище. На карточках стояли имена. Тысячи имен. Рядом горела синяя печать Верховного Суда.
Чья-то рука вырвала карточку.
Видение рвануло в сторону.
Архивариус бежал по коридору. За ним стучали сапоги. Свет мигал. Сирена выла низко, почти на границе слышимости. В стенах дрожали трубы.
«Архив нельзя отдавать».
Это была мысль архивариуса. Не голос.
Дариан различал такие вещи.
Следующий образ ударил ярче.
Женщина в белом стояла по ту сторону стеклянной двери. Ее лицо скрывал пересвет. Волосы темные. На шее цепочка.
Дариан дернулся.
Он знал эту цепочку.
Нет.
Он должен был знать.
Пустое место в голове открылось резко, до тошноты.
Женщина подняла лицо.
— Дариан.
Он перестал дышать.
Голос.
Тот самый, который он годами пытался удержать хотя бы во сне.
Сестра.
Не лицо. Лицо уже расплзлось белым пятном. Только голос, и то с треском, будто запись на старой проволоке.
— Беги. Они пришли за архивом.
Видение оборвалось.
Дариан рухнул на пол.
Кристалл вылетел из пальцев и прокатился под стол.
Несколько секунд он смотрел на свои руки, пытаясь вспомнить, почему одна из них дрожит. Потом вернулось имя. Архивариус. Квартира. Заказ.
Сестра.
Он повторил про себя ее имя.
С первого раза не получилось.
Во рту появился металлический привкус.
— Эли...
Слог застрял.
Шрамы жгли до локтя.
— Элина.
Вот.
Имя пока осталось.
Дариан сидел на мокром от конденсата полу и произносил его шепотом, как пароль от двери, которая с каждым годом становилась тяжелее.

Снизу донесся звук двигателя.

Не трамвай.

Слишком ровный.

Он поднялся, заглянул в окно.

У дома остановился черный патрульный фургон без гербов. Двери открылись одновременно. На мостовую вышли четверо в длинных серых плащах. Лица закрыты гладкими масками. На поясах — белые стеклянные цилиндры.

Стиратели.

Официально такого подразделения не существовало.

Дариан видел их однажды.

И этого тоже не помнил.

Он сунул осколок в свинцовый карман пальто. Тот прожег холодом ткань. На столе лежала кристаллизованная рука архивариуса, пальцы все еще держали край несуществующей папки.

— Рутинный заказ, — сказал Дариан.

На лестнице хлопнула дверь подъезда.

Он погасил фонарь.

Глава 2

Квартал Шестеренок молотил вслепую. За глухими чугунными заборами мануфактур тяжело ухали гидравлические прессы, сотрясая мостовую до звона в зубах; из проржавевших решеток вентиляции хлестал перегретый пар вперемешку с жирной угольной сажой. Известковая морось Верхнего Яруса, пролетая сквозь сотни метров решетчатых эстакад, превращалась в кислую серую жижу, которая въедалась в сукно и разъедала глаза.

Дариан шел вдоль глухой кирпичной стены, вжимая левый локоть в ребра.

Каждый шаг отзывался тупой вспышкой под ключицей — память о падении на жестяной козырек в Часовом переулке. Но хуже сломанного ребра был мнемо-резонанс. Прямой контакт с остекленевшим лбом мертвого архивариуса выжег нервные узлы на предплечье: серебристые шрамы-трещины под мокрым рукавом пальто тлели ядовитым белесым жаром, пробивая свинцовую подкладку. Боль ползла вверх по жилам, вгрызаясь в затылочную кость.

А в ушах, не умолкая ни на секунду, звенел чужой шепот:

«Беги, Дариан. Они добрались до Первого Реестра...»

Голос Элины. Тонкий, перебиваемый треском статического электричества.

К горлу подкатил ком кислой желчи. Дариан остановился у чугунного стояка ливневки, переждал судорожный спазм и сплюнул под сапоги черную слюну с привкусом меди. Он попытался зацепиться за прошлое, выстроить в голове хоть какую-то опору. Какого цвета были ставни в их доме до катастрофы? Зеленые? Обитые медью? Как выглядели руки сестры?

Ничего. Слепое, высокобленное добела пятно. Память сторела дотла, оставив лишь сырой ожог.

Стеклянная кровь не прощала прямой врезки в военный кристалл. Еще один глубокий контакт голыми руками — и от его личности останется пустая мясная оболочка, набитая чужими смертями и стеклянной трухой. Ему срочно нужен был аппаратный стенд. Железо, фокусирующие призмы, ртутные предохранители и человек, умеющий потрошить армейские шифры без лишних вопросов.

Старая насосная станция стояла в мертвом тупике за кирпичной будкой трансформаторной подстанции. Кирпичный куб здания врос в ил по самые отливы окон. Дариан толкнул тяжелую железную створку плечом и шагнул в сырой полумрак.

Подвал встретил его плотным, утрамбованным хаосом. Здесь пахло кислотой для травления кварца, перегретой канифолью, паленым текстолитом и машинной отработкой. По чугунным трубам под сводами с глухим воем гуляло давление, а вдоль стен громоздились стеллажи, заваленные медным ломом, разбитыми линзами и бухтами кабелей. Медные клеммы ржавели в керамической кружке с косой надписью белилами «НЕ ПИТЬ». На одноконфорочной плитке парила жестяная ванна с реактивами, а над верстаком покачивался кустарный механический протез глаза — латунная диафрагма лениво щелкала всякий раз, когда по перекрытиям сверху прокатывала дрожь заводских платформ.

Лира спала прямо на полу, забившись под дальний угол верстака.

Дариан понял это, когда носок сапога уперся во что-то мягкое и под подошвой хрустнула жестянка.

— Еще шаг, — донесся из-под столешницы сиплый спросонья голос, — и я впаяю тебе конденсатор в колено.

— Паяльник остыл, — сказал Дариан, не двигаясь.

— Ты проверяешь нервы человеку, который спит на куче лома.

Под верстаком зашуршал брезент. Раздался глухой стук затылка о дубовую балку, короткий злой мат — и наружу выбрался ком из промасленной куртки и рыжих волос. Лира села на

корточки, потирая голову. Медно-рыжие вихры были наспех заколоты сточенным графитовым стержнем, на бледной щеке темнел вафельный отпечаток оплетки кабеля.

Она сощурилась на дежурную лампу, потом перевела тяжелый взгляд на Дариана — на черную жижу, стекающую с полов его графитового пальто на каменные плиты.

— Нет, — отрезала она сразу, не поднимаясь.

— Я еще ничего не сказал.

— Знаю я этот взгляд, Вейл. Опять притащил дрянь, за которую нам обоим головы оторвут. В прошлый раз ты пришел с таким же видом и приволок матрицу дознавателя.

— Матрица сработала.

— Она полыхнула прямо на верстаке. Я потом три дня кислотную копоть со стен соскребала, — Лира поднялась на ноги, хрустнув суставами. — Что там?

Дариан расстегнул пальто. Свинцовый подклад глухо зашуршал, обнажая внутренний карман. Он достал плоский металлический пенал в ветоши и положил на верстак — прямо между тисками и рассыпанными шайбами.

Лира замерла. Рука так и осталась у ворота куртки, пальцы медленно разжались. Взгляд намертво прилип к темному свинцу.

— Где снял? — спросила она глухо.

— В архивариусе.

— В смысле — «в»?

— Сидел в основании черепа. Тело застеклили до костей.

Лира не стала трогать пенал. Наклонилась так низко, что медная прядь коснулась грубой ткани. Ноздри дрогнули, улавливая запах, пробивавшийся сквозь металл — жженный сахар и тяжелый сухой озон.

— Это не гражданская нарезка, Вейл.

— Я понял, когда труп зазвенел на высоких частотах.

— Вейл.

— Что?

— Отойди на два шага.

— Зачем?

— От тебя фонит, как от пробитого реактора. Рука сквозь сукно светится.

Дариан опустил глаза. Мокрая ткань на левом предплечье потемнела, и сквозь нее пробивалось белесое мерцание. Серебряные рубцы под кожей жгло сухим, ноющим жаром.

Лира подняла на него жесткий взгляд:

— Считывал напрямую?

— Только верхний слой. Секунды три.

— «Три секунды» — это сколько кусков твоей памяти на этот раз?

Дариан сжал челюсти так, что свело скулы.

Лира выпрямилась:

— Свое имя помнишь?

— Дариан Вейл.

— Возраст?

— Двадцать восемь.

— Кто такая Элина?

Под затылком плеснуло холодом. В горле встал кислый ком; перед глазами поплыла серая муть — ни лица сестры, ни взгляда, только ощущение синей ленты и глухой провал в груди.

Лира поймала эту заминку по дрогнувшим зрачкам. Лицо ее окаменело.

— Понятно, — сухо бросила она, натягивая диэлектрические перчатки. — Если опять полез в военную дрянь голыми нервами — платишь втрое.

— Заплачу, когда достанешь картинку.

В тяжелую железную дверь на верхнем конце лестницы ударили.
Один глухой, сотрясший коробку толчок. Затем — три коротких, размеренных удара ломом.

Лира замерла, вскинув голову к сводам.

— Твои? — Дариан сместил ладонь к кобуре под пальто.

— Шестерки Барона. Пришли за долей за силовую жилу.

Сверху снова грохнуло. Известка посыпалась с балок сухой трухой.

— Сольвейг! — донесся сквозь железо прокуренный бас. — Открывай богадельню. Керн не любит мокнуть.

— Сколько их? — шепнул Дариан.

— Обычно двое.

Сверху что-то с хрустом врубилось в засов. Лист железа протяжно взвизгнул.

— Сегодня трое, — поправилась Лира.

Дариан сгреб пенал обратно во внутренний карман и вытянул пистолет.

— Не стреляй, — Лира шагнула к нему. — Это Нижний Ярус, Вейл. Положишь их здесь — завтра Синдикат пришлет сюда взвод с огнеметами.

— Если не положу, они войдут через пять секунд.

— С этими я хотя бы знаю, как говорить.

Засов лопнул. Дверь с грохотом распахнулась, впуская в подвал сырой сквозняк и гул заводских прессов.

По лестнице ввалились трое. Впереди — плечистый в клеенчатом плаще с лоснящейся от сырости рябой физиономией, следом долговязый с титановым протезом нижней челюсти и сопливый пацан со шрамом через всю бровь.

Широкий осклабился:

— Лира, птичка. Господин Барон передает...

Он осекся, наткнувшись взглядом на высокую фигуру Дариана у верстака. Рука бандита дернулась под плащ:

— Гости?

Дариан держал пистолет опущенным вдоль бедра:

— Продолжай. Не отвлекайся.

— У нас частный разговор по долгам.

— Уши вянут от твоего лая. Говори по делу.

Лира встала между ними:

— Сказала же: пусто у меня, Керн. До пятницы ждите.

— В прошлую пятницу ты пела то же самое, рыжая, — шарнир на челюсти долговязого противно щелкнул.

Широкий сделал шаг вперед:

— Барон устал ждать. Сегодня забираем залог.

Его взгляд скользнул мимо Лиры — в левый бок Дариана, под пальто, ровно туда, где лежал свинцовый пенал.

Дариан не стал ждать вопроса и нажал спуск.

Пуля с сухим звоном разнесла подвесную лампу над лестницей. Подвал захлебнулся мраком. Лира ушла под верстак еще до того, как осколки стекла ударили по плитам.

Широкий взревел.

Дариан шагнул в сторону, уходя с линии огня. В темноте с треском развернулся силовой разрядник — мимо виска с шипением хлестнула синяя дуга, обдав кожу запахом паленой шерсти.

Не тратя патронов, Дариан перехватил пистолет за ствол и наотмашь вогнал стальную рукоять в сустав руки с оружием.

Хрустнуло сухо и отчетливо. Разрядник со звоном вылетел на пол. Парень со шрамом прыгнул сзади, навалившись всем весом и обхватив Дариана поперек горла.

Они вместе влетели спиной в край верстака.

Старый ушиб в ребрах отозвался вспышкой боли, из легких со свистом вышибло воздух. Стиснув зубы, Дариан дважды вбил локоть назад, в печень нападавшего. Хватка ослабла. Крутанувшись на пятке, Дариан перехватил парня за загривок и с короткого замаха впечатал свой лоб в чужую переносицу.

Хрящ лопнул. Парень захлебнулся кровью и осел на пол.

Щелкнул рубильник — Лира врубила аварийный щит.

Подвал залило вязким красным светом.

Широкий стоял на коленях, зажимая рассеченный висок — под его ногами валялись черепки разбитой керамической кружки. Лира возвышалась над ним на краю стола с тяжелым разводным ключом в обеих руках.

— Руки от верстака убрал! — сорванным голосом выплюнула она.

Челюстной попытался поднять разрядник здоровой рукой. Дариан коротким ударом сапога вбил железку в темный угол. Широкий тем временем начал заваливаться на бок, шаря под плащом в поисках обреза.

Лира не стала ждать. Она вцепилась в толстый кабель в красной оплетке и рванула его вниз всем весом.

Под потолком взвыли четыре спаренные индукционные катушки.

Магнитный удар накрыл подвал.

Все железо с металлическим визгом рвануло к трубам. Пистолет вырвало из пальцев Дариана и намертво припечатало к стояку под потолком. Бляха на ремне широкого дернула его вперед; он споткнулся и с глухим хрустом вошел переносицей в угол инструментального шкафа. Челюстного развернуло на месте — титановый протез со звоном прилип к металлической стенке, заставив хозяина взвыть от боли в вывернутом суставе.

Лира спрыгнула на плиты, сжимая в руке короткий кабельный тесак:

— Пошли вон.

Широкий с трудом оторвал окровавленное лицо от шкафа:

— Барон из тебя жилы вытянет, Сольвейг...

— Барону передай: еще раз сунетесь — выжгу к чертям всю силовую магистраль, — Лира сделала шаг, перехватив тесак. — Три секунды. Потом я сменю полярность, и твоему дружку оторвет челюсть вместе с ухом.

Молодой, размазывая кровь по лицу, кое-как вздернул челюстного на ноги. Тот с мясом оторвал металл от шкафа, и оба попятились к лестнице. Широкий задержался на нижней ступени, тяжело дыша.

Его мутный взгляд в упор сверлил левую руку Дариана.

Потом громила сплюнул темную жижу под ноги и скрылся в проеме.

Лира вырубил рубильник. Катушки затихли. Пистолет Дариана отлип от трубы — он поймал его у самого пола и вернул в кобуру.

— Они пришли не за долгом, — сказал Дариан, опираясь на верстак.

— Знаю. Тот, что в плаще, палил твой левый карман.

Дариан глубоко вдохнул. В правом боку нудно пульсировало — ребра выдержали, но синяк наливался тяжестью. Он надавил ладонью на бок.

Лира перехватила жест:

— Сядь.

— Работай с кристаллом.

— Сядь, кому сказано. Не хватало еще собирать тебя с пола посреди дешифровки.

Она толкнула его на табурет, задрала край мокрого свитера и жестко прошлась холодными, пахнущими отработкой пальцами по межреберным промежуткам. На третьем ребре Дариан перехватил ее запястье.

— Здесь.

— Трещины нет, хрящ цел. Дышать можешь — остальное само схватится.

Она выкатила из-под дальнего стеллажа тяжелый латунный ящик кустарного дешифратора — громоздкую установку, облепленную медными змеевиками масляного охлаждения, пучками экранированных проводов и кварцевыми призмами. Развернув на верстаке кусок свинцовой ткани, Лира хирургическими щипцами вытряхнула скол мнемо-кварца на мягкую подложку.

Камень тускло мерцал ядовитым синим светом.

Лира работала скупой, не глядя подбирая тонкие жилы световодов и заводя их под прижимные латунные винты.

— Что успел выпепить, пока не отключился? — спросила она, затягивая зажимы на кристалле.

— Архив. Погоню. Стирателей.

— Еще.

— Голос.

Она даже не дрогнула:

— Ее?

— Да.

— Это может быть структурная фальшивка. Поверхностный слепок, чтобы заманить тебя.

— Может.

— Девяносто процентов, что фальшивка.

— Лира. Работай.

Она опустила рубильник на блоке питания.

Трансформатор в углу взвыл на пределе мощности, вибрация пробежала по дубовым доскам верстака. Кристалл запел — из самой глубины полупрозрачного скола вырвался тонкий, дребезжащий ультразвуковой свист. Серебряные рубцы на руке Дариана отозвались мгновенным спазмом, пальцы свело судорогой. Лира выругалась и сбавила накал на реостате, охлаждая посадочное гнездо.

— Там двойная оболочка, — пробормотала она, вглядываясь в оптический окуляр. — Личную память намертво запаяли под системную команду высшего допуска.

На сырой кирпичной стене подвала задрожала объемная световая проекция.

Сначала по кирпичам поползли серые полосы помех, затем лучи сфокусировались в четкий герб: серебряная башня в тройном кольце — личная печать Верховного Суда Этернополиса. Под ним проступили строчки военного приказа, вспыхивая изумрудными символами машинного кода.

Лира шумно втянула воздух сквозь зубы.

— Чей код? — Дариан подался вперед.

— Прямой доступ Первого Судьи.

Внизу проекции горела подпись: *K. MORTEN / PRIMUS IUDICIS*.

Символы перестроились в окончательный текст протокола:

«ПРИ ОБНАРУЖЕНИИ НОСИТЕЛЯ СИГНАТУРЫ V-0 ДЕЙСТВОВАТЬ БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ. ИЗЪЯТИЕ ПАМЯТИ НЕ ПРОВОДИТЬ. ОБЪЕКТ ПОДЛЕЖИТ ПОЛНОЙ УТИЛИЗАЦИИ НА МЕСТЕ».

Строкой ниже развернулась архивная карточка.

С кирпичей на Дариана смотрело его собственное лицо. Карточка четырехлетней давности: воротник кителя старшего следователя, тяжелый, немигающий взгляд.

Лира застыла, не отрывая взгляда от проекции:

— Что за литера, Вейл?

— Сказал же: начисто выжгло. Не помню.

Кристалл внутри дешифратора тонко, на высокой визгливой ноте хрустнул. Масляный змеевик закипел, выплевывая пену.

Лира среагировала мгновенно:

— На пол!

Она рванула Дариана за собой за толстую столешницу верстака.

Кварц лопнул с винтовочным сухим щелчком. По верстаку хлестнуло раскаленной стеклянной шрапнелью, в дерево с шипением впились белые фосфорные иглы. Один из осколков пробил рукав Дариана, оставив глубокую дымящуюся царапину на предплечье. Лира охнула — на ее щеке проступила тонкая кровавая полоса.

Лампы аварийного щита лопнули разом.

Подвал накрыла плотная, осязаемая темнота. Пахло женой медью, травильной кислотой и расплавленным стеклом.

— Жива? — выдохнул Дариан в темноту.

— Аппаратура сгорела к чертям, — процедила она из-под стола. — Значит, жива.

Сверху — прямо по металлической раме входного люка — ударили.

Один направленный кумулятивный хлопок. Железная створка выгнулась внутрь подвала, и по лестнице пополз тяжелый, удушливый белый газ.

Лира на ощупь выдернула из кармана защитные очки, натянула на лицо:

— Не Керн.

По ступеням спускались слитно и неслышно — так ходят только армейские штурмовики с Верхнего.

Через щель под выбитой дверью в подвал скользнул тонкий синий луч сканера.

Он прочертил пол, скользнул по верстаку — и намертво зафиксировался на левом сапоге Дариана.

Шрамы на его руке вспыхнули злым белесым жаром, пробивая мокрое сукно рукава до кости.

Лира распахнула нижний инструментальный шкаф, нащупав тяжелый чугунный рычаг.

— Куда ведет люк? — Дариан вытянул пистолет.

— В дренаж под шлюзами.

— Двигай.

Дверь наверху с сухим треском вылетела внутрь.

Сквозь белую муть на ступенях молча пошли серые плащи. Ни лиц, ни глаз — только круглые стеклянные наглазники фильтров и вскинутые стволы мнемо-винтовок.

Лира рванула рычаг на себя.

Каменные плиты пола прямо под их ногами с лязгом ушли в пустоту.

Глава 3

Жестяной склиз водосброса ободрал правое плечо сквозь мокрое сукно пальто. Дариан с оглушительным скрежетом пропорол спиной заклепки желоба и со всего маху рухнул в сточную канаву.

Удар вышиб воздух до самого доньшка легких. Треснувшее ребро отозвалось ослепляющей судорогой — в правый бок будто плеснули кипящим свинцом. Жижа в коллекторе стояла по щиколотку: ледяная маслянистая дрянь, в которой вонь тухлой серы мешалась с едким травильным электролитом, втихую спускаемым соседними гальваническими цехами. Химикат мгновенно просочился сквозь дыру в подошве правого сапога, вгрызаясь в содранную кожу едким огнем.

Через секунду сверху, прямо ему на грудь, с тяжелым плеском обрушилась Лира.

— Слезь... — Дариан попытался протолкнуть воздух в гортань, но ребра свело сухим спазмом. — Ребра... трещат.

— Заткнись, — прохрипела она в самый его воротник, лихорадочно упираясь ладонью в мокрый ил. — Сама на железо налетела.

В квадратном проеме выбитого люка над их головами вспыхнул мертвенно-белый луч поискового сканера.

Дариан среагировал раньше, чем легкие наполнились воздухом: сгреб Лиру за мокрый брезент куртки и тяжелым перекатом сбил ее в мутную жижу под полукруглый кирпичный свод трубы.

Туда, где секунду назад были их головы, с шипящим треском ударил беззвучный плазменный разряд. Черная жижа мгновенно закипела мелкими пузырями, выбросив едкий, удушливый клуб озонного пара. Металлическая окалина брызнула по кирпичам.

— Вперед! — выдохнул Дариан, поднимаясь на четвереньки.

Они побежали.

Дренажный коллектор шел глубоко под основанием водонапорной станции, петляя между свайными фундаментами заводских корпусов, а затем резко забирал вверх. Под подошвами с хлопаньем расступалась промышленная слизь, мокрые сапоги оскальзывались на полузатопленных чугунных перекатах.

Лира ориентировалась в этой сырой тьме на ошупь: держалась левой рукой за покрытую солевыми наростами стену и то и дело поправляла сползающие поляризационные очки. Дариан шел вслепую — ориентировался на тяжелое чавканье ее шагов и глухой свист пара из боковых технологических врезок. Каждый шаг отзывался тупым, раскалывающим ударом под правой лопаткой, а свежая царапина на левом предплечье, оставленная осколком мнемо-кварца, саднила от ядовитых испарений так, будто мясо поливали спиртом.

Позади, гулко отражаясь от сводов, послышались тяжелые, размеренные всплески.

Стиратели не тратили времени на осмотр разбитой мастерской. Они спустились следом. Пять пар рифленых подошв месили ил с глухим, слитным чавканьем. Ни ругани, ни сбитого дыхания — ликвидаторы шли ровным, неумолимым шагом забойщиков.

— Сколько до выхода? — бросил Дариан, стискивая зубы на каждом толчке.

— Если не срежут в спину — пара минут, — Лира тяжело хрипела впереди.

— Точнее!

— До колодца сотня шагов! Не тормози на трубах, шею свернешь!

Тоннель внезапно уперся в тупик, перекрытый тяжелой решеткой из кованого железа. Прутья в руку толщиной намертво вросли в вековую кладку, а массивный висячий замок запыл бурным наростом ржавчины и известкового камня.

Дариан коротко выругался, упершись ладонью в холодный осклизлый чугун.

Ли́ра уже лихорадочно шарилa по глубоким карманам спецовки. Она выдернула тяжелый латунный цилиндр с торчащими медными клеммами:

— Отойди и закрой глаза!

Она с силой вдавила цилиндр прямо в замочную скважину. Внутри механизма натужно щелкнуло, воздух вспорол тонкий ультразвуковой писк. Каленые дужки замка и крепежные скобы мгновенно налились вишневым жаром, зашипели и потекли вниз густыми огненными каплями, выжигая в мутной воде дымящиеся ямы.

— Термический ключ? — Дариан прикрыл глаза свинцовым лацканом пальто.

— Спираль от промышленного нагревателя! Толкай!

Они навалились плечами одновременно. Решетка со стоном сорвалась с оплавленных петель и с тяжелым плеском рухнула в сток.

Они вывалились в узкий технологический колодец, зажатый между глухими кирпичными стенами двух прядильных фабрик.

Здесь пахло сырой шерстью, угольной сажей и машинным дегтем. Высоко над головами, метрах в сорока над крышами трущоб, на циклопических чугунных опорах висели магистральные эстакады Верхнего Яруса. Их нижние панели ровно и холодно светились молочным неонem. Оттуда, сверху, фабричный двор казался просто темной трещиной в асфальте — архитекторы Суда специально проектировали мосты так, чтобы патриции никогда не видели копоты, труб и сточных луж внизу.

Где-то далеко на западе, за линией сортировочной станции, протяжно и надрывно завывали сирены.

Ли́ра задрала голову к затянутому смогом небу:

— Перекрывают центральные перекрестки.

— Муниципальная стража. Они патрулируют внешний периметр.

— Им плевать, в кого палить, если объявлен общий перехват!

Из черного зева стока позади донесся глухой лязг — Стиратели выбивали остатки решетки.

Дариан мазнул взглядом по стене фабрики, выхватывая взглядом скобы пожарной лестницы, уходящей в сырую мглу:

— Наверх.

— Смола на крышах мокрая, сорвемся!

— Лезь молча, снизу срежут!

Они успели преодолеть только первый пролет, когда из черной пасти стока бесшумно вынырнула серая фигура.

Белая, лишенная прорезей маска. Длинный штурмовой плащ из матовой ткани, не дающей бликов. В руках — короткий карабин с прозрачным призматическим магазином, в котором тускло мерцала мнемо-суспензия.

Дариан перегнулся через перила и нажал на спуск.

Грохот выстрела в тесном дворе ударил по ушам, как молот по наковальне. Пуля с визгом выбила сноп желтых искр из чугунной ступени прямо перед ботинком преследователя. Стиратель плавно качнулся назад, уходя с линии огня. Дариан стрелял не на поражение — косой дождь и дрожь в ушибленной руке не давали прицелиться. Ему нужна была секунда форы.

Ли́ра уже грохотала подошвами по площадке третьего этажа:

— Быстрее, Вейл!

Он рванул следом, перешагивая через две ступеньки.

Крыша прядильной фабрики оказалась плоской, залитой потрескавшейся черной смолой. В глубоких выбоинах стояла дождевая вода с хлопьями сажи. Из круглых дефлекторов вентиляции со свистом вырывались струи горячего пара, пахнущего анилиновыми красителями и серным ангидридом.

Дариан и Лира пригнулись, на полной скорости пересекли рубероид и по узкой двутавровой балке перемахнули через пятиметровый провал на кровлю соседнего механического цеха.

Сзади, над парапетом первой крыши, беззвучно выросли два серых силуэта.

Лира на бегу выхватила из поясной сумки три плоских черных диска и веером швырнула их под ноги, прямо в лужи.

— Не наступай в воду за мной! — крикнула она.

Первый Стиратель спрыгнул с балки на смолу, наступив прямо на мину.

Сухой, короткий щелчок разбитого стекла.

В то же мгновение вся вода в радиусе трех метров схватилась белесым кристаллическим льдом чудовищной плотности. Подошвы сапог преследователя намертво впаяло в смолу. Второй боец, шедший следом, не успел затормозить, врезался напарнику в спину, и оба с тяжелым шуршанием покатались по крыше, ломая о лед накладки брони.

— Сработало, — выдохнул Дариан, на ходу оглядываясь.

— На пару минут задержит!

На краю цеха путь им наглухо перерезала массивная башня вентиляционной шахты — чугунный куб высотой в два человеческих роста. Лира подлетела к герметичному люку обслуживания и обеими руками вцепилась в стальной штурвал запора.

Металл взвизгнул, сдвинулся на дюйм и встал намертво.

— Заклинило! Шток заржавел!

Сзади, ломая ледяную корку, уже приближались тяжелые шаги. Стиратели поднимались на ноги.

Дариан навалился на штурвал всем весом, упершись сапогом в заклепки. Чугун не шелохнулся. Плечо и ребра обожгло новой волной боли.

— В сторону, — глухо бросил он, сдергивая перчатку с левой руки.

Лира мгновенно вцепилась пальцами в его рукав:

— Нет! Не смей!

— Другого выхода нет!

— Я подорву петли!

— Грохот накроет весь квартал, нас прямо здесь положат!

Дариан стряхнул ее руку и прижал голую ладонь к чугунной ступице колеса.

Серебряные трещины на его предплечье вспыхнули ослепительно-белым огнем.

Он зажмурился.

Стеклянная кровь не брала шелуху — ей требовалось живое чувство, плотный кусок жизни. Дариан судорожно выскребал из головы то, что еще могло гореть.

В висках ударило слепящим полуднем: раскаленный известняк фонтана, брызги в лицо, смех Элины. В темных волосах трепещет узкая синяя лента — шелк щекочет ее щеку, она грозит прыгнуть в воду прямо в туфлях...

— Забирай, — прошептал Дариан сквозь зубы.

Свет на руке взорвался импульсом. Внутри чугунного механизма раздался утробный треск срезаемых ржавых зубьев.

Штурвал провернулся сам по себе, сделав три полных оборота. Тяжелая бронированная дверь со скрежетом распахнулась.

И в ту же секунду воспоминание выжгло.

Оно превратилось в мертвую строчку протокола. Дариан знал, что они были у фонтана. Знал, что было тепло. Но эмоциональное тепло умерло. А на месте синей ленты в волосах сестры образовалась глухая серая дыра, которую больше ничем нельзя было заполнить.

Дариан перевел дыхание и толкнул Лирu в проем:

— Вниз! Быстро!

Она на секунду задержала взгляд на его осунувшемся лице:

— Что сгорело, Вейл?

— Вниз, черт тебя дер!

Ли́ра нырнула в темный прямоугольник шахты. Дариан скользнул следом и с силой захлопнул тяжелую створку изнутри, накинуд аварийную шеколду.

Внутри вентиляционного канала стоял несмолкаемый гул. Воздух здесь был горячим, сухим и удушливым — пахло тлеющей войлочной пылью и машинной смазкой. Они ползли на локтях по гофрированному металлу. Каждый толчок отдавался в ушибленных ребрах Дариана ударами молота.

Снаружи в закрытый люк сокрушительно врезался первый таранный удар.

Затем — второй. Металл за спиной угрожающе выгнулся внутрь.

Ли́ра замерла на локтях у развилки двух узких воздухопроводов:

— Налево — турбинный зал прядильного цеха. Направо — технологический выброс над переулком.

— Улицы внизу перекрыты.

— А на прядильном турбины на полных оборотах, нас там затанет в ротор!

— Значит, направо.

Они свернули в правый рукав.

Здесь короб резко сужался, сдавливая плечи. Впереди забрезжил мутный серый свет и послышался шум дождя — решетка аварийного выброса. Ли́ра подползла первой, сбивая отверткой прижавевшие фиксаторы.

В этот момент в шахте позади них вспыхнул белый луч.

Стиратели выбили створку.

— Вниз! — гаркнул Дариан.

Белый луч чистильщика с сухим свистом вспорол жесть прямо над затылком. Металл короба мгновенно поплыл, брызнув раскаленной окалиной.

Дариан развернулся на боку и вслепую выстрелил назад, в узкое жерло трубы.

Грохот выстрела в замкнутом объеме оглушил обоих. Пуля выбила сканер из перчатки нападавшего, но преследователь даже не вскрикнул — он молча продолжал ползти вперед, поднимая ствол карабина.

Ли́ра ногой вышибла наружную решетку.

За ней открылась сырая ночная пустота.

Узкий каменный карниз шириной в ладонь, а под ним — пять этажей мокрого мрака до булыжников глухого переулка.

— Другого пути нет, — Ли́ра отплюнула намокшие волосы.

Стиратель в трубе был уже в трех метрах. В темноте блеснуло белое стекло его маски.

Ли́ра перекинула ногу через жестяной отлив. Метром ниже карниза вдоль фасада тянулась толстая чугунная труба паропровода, уходящая к крыше соседнего дома.

— Идем по трубе!

— Держись за стыки, тут заклепки торчат!

Она соскользнула вниз и пошла по трубе боком, вжимаясь спиной в мокрую кирпичную кладку.

Дариан перевалился через край следом.

Из вентиляционного окна высунулся ствол карабина Стирателя.

Вспышка.

Разряд ударил в стену прямо над ухом Дариана. Старый кирпич взорвался снопом раскаленной крошки, осыпав лицо. Нога соскользнула с мокрого чугуна.

Дариан сорвался.

Пальцы левой руки в отчаянном рывке впились в выступающий край карниза.

Серебряные шрамы мгновенно отозвались дикой болью — в швах кладки оседала радио-активная кристалльная пыль, и сейчас эта взвесь вьелась в обнаженные нервы как кислота. Пальцы одеревенели.

Ли́ра затормозила на трубе, развернулась, рискуя потерять равновесие:

— Руку давай!

— Вперед иди! — прохрипел Дариан.

Стиратель уже протискивал плечи сквозь узкую раму выброса.

Дариан собрал остаток сил, подтянулся на одной левой руке, забросил локоть на карниз и, не поднимая головы, выстрелил снизу вверх.

Пуля пробила Стирателю плечо. Тот качнулся, карабин дрогнул, но боец даже не застонал — только перехватил оружие.

Этого мига Дариану хватило: он оттолкнулся от карниза и прыгнул обратно на чугунную трубу, едва не вывихнув колено при приземлении.

Они преодолели последние метры и уперлись в глухую стену соседнего корпуса. Прямо перед ними темнела железная дверь аварийного люка связистов. Ли́ра с размаху ударила по ней кулаком.

Заперто на внутренний ригель.

— Где твой нагреватель? — выдохнул Дариан, прижимаясь к кирпичу.

— Выронила в шахте, когда ты стрелял!

Сзади раздался мерный, неторопливый шаг.

Стиратель шагал по мокрому чугуну над пятиэтажной пустотой так, будто шел по плацу — мерно, не покачиваясь, не глядя под ноги. Пробитое плечо подрагивало, но карабин был намертво наведен в грудь Дариана.

Белая маска смотрела прямо на него.

— Объект V-0, — раздался из-под фильтра глухой голос. — Прекратите сопротивление. Дариан замер, чувствуя, как вода заливает глаза.

Ли́ра рядом с ним затаила дыхание.

— Что значит «V-0»? — спросил Дариан, удерживая мушку пистолета на белом овале лица врага.

Стиратель сделал шаг вперед:

— Вы прекрасно осведомлены о значении протокола.

— Помнил бы — стрелял бы в лоб, а не в плечо.

— Вы вырезали больше положенного, — просипел фильтр маски. — Зачистили пластиы, которые проект требовал сохранить.

Под ребрами неприятно похолодело.

— Кто удалил?

Стиратель поднял ствол:

— Вы сами. По личному заявлению.

Ли́ра за спиной Дариана сделала резкое движение: что-то мелкое вылетело из ее пальцев прямо в лицо преследователю.

Стиратель среагировал рефлекторно, поведя стволом в сторону летящего предмета, и нажал спуск.

Луч встретил деталь в метре от его маски.

Конденсатор в воздухе вспучило синей дугой. Короткое замыкание шарахнуло обратно по ионизированному следу — карабин в руках Стирателя разорвало с сухим грохотом, выдав мощнейший обратный разряд прямо в грудную пластину брони.

Белая маска треснула пополам.

Бойца повело в сторону, он потерял опору и начал заваливаться в пропасть.

Дариан бросился вперед, содрав колени о чугун, и на излете перехватил ворот серого плаща:

— Что такое «Объект V-0»?! Отвечай!

Осколок маски отвалился. Под ней показалось лицо мужчины лет тридцати — короткий ежик светлых волос, стекленеющие зрачки. Из разорванного уха на воротник толчками текла темная кровь.

Мутные серые зрачки дернулись к светящемуся предплечью Дариана:

— Объект... Ноль...

— Что это за проект?!

— Первый... — боец судорожно закашлялся розовой пеной.

— Первый кто? Говори!

— Первый субъект... переживший полное стирание личности... без распада нейросети...

Мышцы его шеи обмякли. Глаза остекленели, уставившись в темное небо Этернополиса.

Дариан держал мертвое тело еще пару секунд, глядя в лицо человека, который знал о нем больше, чем он сам.

Пальцы разжались.

Тело Стирателя беззвучно ухнуло в мокрый мрак переулка. Спустя мгновение снизу донесся глухой удар о мостовую, и осколки маски со звоном брызнули по камням.

Лира стояла позади, вжавшись спиной в стену:

— Ты... пережил полное стирание?

— Нет, — глухо отозвался он, поднимаясь на ноги.

— Он только что сказал...

— Я слышал, что он сказал.

— И что это значит?

— Это значит, что я ни хрена об этом не помню.

Вдалеке, перекрывая шум дождя, завывли новые сирены — к кварталу стягивалась судебная гвардия.

Дариан наклонился и подобрал выроненный карабин Стирателя. Прозрачный корпус призмы был цел, внутри плескалась светящаяся суспензия — в магазине оставалось шесть игл. В его собственном пистолете оставалось всего четыре патрона.

Лира постучала носком сапога по ригелю аварийного люка:

— У меня есть знакомый. Держит точку в тупиках старого метро.

— Метро законсервировано пятнадцать лет назад.

— Поэтому там никого нет.

— К людям Синдиката мы не пойдем, — жестко отрезал Дариан.

Лира на долю секунды замерла. Она ответила без заминки, но пальцы на рукояти ножа дрогнули:

— Не Синдикат это... — Лира перехватила нож, избегая взгляда. — Дави на ствол, Вейл. Снизу по трубам идут.

Дариан загнал ствол трофейного карабина между створкой и косяком люка и навалился всем весом.

Старый металл со скрежетом хрустнул. Ригель лопнул.

За их спинами гудел ночной Нижний Ярус. Заводские трубы выплевывали в тучи порции пара, дождь разбивался о карнизы, выли патрули.

Вот только внутри Дариана разверзлась еще одна ледяная пустота.

Белое мертвое пятно там, где секунду назад жила тонкая синяя лента в волосах сестры.

Он отчаянно пытался вспомнить ее цвет, ее шелк, движение на ветру — но память выдавала лишь серую холодную пыль.

Свинцовый холод в груди жег сильнее плазменного ожога: он держал в пальцах чужое оружие, но кусок за куском терял себя.

Глава 4

Глава 4. Погружение в Бездну

Станция «Бездна» строилась еще в те времена, когда Этернополис не был рассечен на касты и уровни. Тогда поезда ходили глубоко под гранитными подушками заводских фундаментов, связывая рабочие окраины с административным ядром, и никому не было дела до того, какая прописка выбита на жетоне пассажира.

После Великой Реформы нижние перегоны отрезали от общей сети. Официальные циркуляры Суда привычно врали про аварийность сводов и грунтовые воды, но реальность была проще: слишком много служебных тоннелей снизу вели прямо под фундаменты правительственных особняков Верхнего Яруса. Вход для бедноты заварили чугунными плитами, превратив рельсовые пути в мертвый подземный лабиринт.

Теперь гранитные платформы «Бездны» заросли серой плесенью и склизким грибком. Между перронами стояла неподвижная черная вода, скрывавшая шпалы, а старые эмалированные щиты с рекламой первых мануфактур облезли до слепых известковых прямоугольников. Единственная тусклая лампа накаливания в проволочном наморднике горела в самом конце станции — ее питал кустарный высоковольтный кабель, нагло врезанный в шахтную распределительную магистраль.

— Уютно, — бросил Дариан, сплевывая на мокрый бетон привкус технической серы.

— Ты всегда начинаешь скулить, когда в апартаментах нет консерва с белым полотенцем? — Лира шла впереди, уверенно перешагивая через гнилые шпалы.

В левой руке она держала узкий фонарь, в правой — самодельный короткий пистолет, у которого вместо патронного магазина торчала тускло полированная медная катушка индуктора. На ее щеке уже запеклась темная, засохшая полоска крови от взорвавшегося кристалла.

Дариан отсчитывал каждый шаг тупыми толчками в правые ребра. Ушиб под свинцовой подкладкой пальто за последние полчаса налился свинцовой тяжестью, будто под кожей медленно и методично затягивали мокрый кожаный ремень.

За бронированной дверью бывшей диспетчерской обнаружилась крошечная глухая клетушка: две продавленные брезентовые раскладушки на пружинах, закопченная чугунная буржуйка и подвешенный к потолку клепаный бак с технической водой.

— Твой знакомый? — Дариан кивнул на брошенную на столе жестяную кружку.

— Уехал.

— Далеко?

— Не оставил адреса.

— Давно?

— Года три назад.

Дариан провел пальцем по спинке раскладушки, собирая плотный слой жирной вековой пыли:

— Надежный арендодатель.

— По крайней мере, ни разу не завалился проверять порядок без стука.

Лира захлопнула тяжелую железную дверь диспетчерской и повесила на массивную ручку хитрую связку медных колец — кустарный акустический контур, который должен был взвять дурниной, коснись кто-нибудь замка снаружи. Затем она с облегчением сбросила с плеч тяжелую инструментальную сумку, опустилась на корточки у стены и принялась методично выкладывать на дощатый ящик уцелевшее оборудование: моток изолирующей ленты, паяльные иглы, два запасных шунта и маленькую жестяную банку со спиртом.

Дариан снял с плеча трофейную винтовку Стирателя и со стуком опустил ее на деревянный стол.

Белый композитный корпус оружия был пугающе гладким — без заводских номеров, без клейм приемки, без единой насечки на рукояти. В прозрачном призматическом магазине в толще маслянистой стабилизирующей взвеси покачивались шесть тонких прозрачных игл. Не свинцовые пули. Герметичные ампулы с концентрированным мнемо-раствором.

— Они не планировали убивать нас на месте, — Дариан коснулся пальцем холодного стекла магазина.

— Тебя, может, и нет, — Лира щелкнула зажигалкой, запаливая фитиль спиртовки. — А меня бы сначала хорошенько вывернули наизнанку дознаватели, выясняя, кто собирал дешифратор, а потом утилизировали в шлаковой яме.

— Ты оптимистка.

— Я реалистка. У меня редкий инженерный профиль и потрясаяще приятное лицо.

Дариан медленно поднял на нее глаза:

— Местами.

Лира молча показала ему средний палец, не отрываясь от калибровки паяльного щупа.

Дариан расстегнул пальто, сунул руку во внутренний свинцовый карман и выложил на край стола остаток кристалла архивариуса.

После взрыва в подвале от матрицы уцелел лишь узкий, обугленный по краям сегмент размером с человеческий ноготь. Но стоило ему коснуться дерева, как серебряные рубцы на левой руке Дариана отозвались мгновенной судорогой — уцелевший фрагмент фонил в три раза яростнее, чем целый кристалл.

Лира подняла голову от спиртовки. Ее брови сошлись к переносице:

— Даже не думай.

— Ты еще не слышала, о чем я подумал.

— Я вижу твою рожу, Вейл. И мой ответ — нет.

— В этом огрызке остался корневой массив данных.

— В этом огрызке осталась ровно та доза высоковольтной памяти, которая за пару микросекунд превратит твои полусожженные мозги в стеклянный кисель.

— Там зашит адрес, Лира.

— Откуда ты...

— Не адрес. Направление, — Дариан прижал пальцы к ноющему виску, вспоминая обрывки видения в квартире. — Когда я считал архивариуса в первый раз, он не просто бежал от ликвидаторов. Он бежал откуда-то. До того, как его настигли в Часовом переулке, он успел спрятать оригинал документа.

Лира резко поднялась на ноги, отшвырнув ветошь:

— Мы соберем новый аппаратный дешифратор. На коленке.

— Сколько тебе нужно времени?

Она бросила быстрый взгляд на полупустую сумку. На пустое гнездо, где раньше лежал термический ключ. На три тонких медных провода, которые она успела срезать со стены мастерской перед прыжком в люк.

— Двое суток. Если найду запчасти на черном рынке водокачки.

— Нас найдут через шесть часов. Максимум — к рассвету.

— Тогда... сутки. Я не сомкну глаз.

— Лира.

— Что?!

— Ты умеешь сажать стекло напрямую в нервный ствол?

В диспетчерской повисла тяжелая, густая тишина. Единственным звуком в помещении остался размеренный, глухой стук капель: с потолочной балки в ржавое ведро у порога методично падала холодная известковая вода.

Ли́ра медленно, шаг за шагом, подошла к столу. Ее рыжие волосы растрепались, а в темных зрачках застыла неприкрытая ярость:

- Ты с ума сошел, Вейл.
- Спрашиваю: врежешь в нерв?
- Я с оптикой работаю, а не с живым мясом!
- Для стеклянной крови разницы почти нет. Проводимость одинаковая.
- Для проводника разницы нет, а для человека — колоссальная!

Дариан молча уперся ладонью в столешницу и задрал рукав свитера до самого локтя.

Серебряные шрамы начинались у основания большого пальца и ветвились по бледной коже предплечья, как трещины на разбитом зеркале. Свежая рваная царапина от взрыва в мастерской пересекала центральную магистраль шрама — кожа вокруг нее воспалилась, налившись нездоровой багровой краснотой.

Ли́ра замерла, потом осторожно, едва касаясь, провела подушечками двух пальцев по кромке рубца.

— Твои каналы и так перегружены, — ее голос сорвался на шепот. — Они работают как оголенный силовой провод.

- Тем лучше. Сопротивление ниже.
- Тем хуже, идиот! Осколок сядет не под кожу. Он войдет прямо в нервный узел руки.
- Именно этого я и хочу.
- Боль будет такой, что ты откусишь себе язык до основания за первые две секунды.
- Дай мне кусок ремня.

— Твоя собственная память начнет выгорать пластами! — Ли́ра повысила голос, вцепившись пальцами в край столешницы. — Не одна сцена, не цвет чьего-то платья! Эта дрянь сожрет целый год твоей жизни, вырвет кусок личности с мясом!

Дариан медленно опустил рукав, глядя прямо в ее расширенные глаза:

— В моей голове снова звучит голос сестры, Ли́ра. Голос Элины. Она говорит: «Беги». Но я не помню ее лица. Я пытаюсь представить форму ее подбородка, цвет глаз, улыбку — и вижу только белое мутное пятно, которое расползается шире с каждым днем.

Ли́ра с силой ударила кулаком по столу, заставив подпрыгнуть спиртовку:

- Ты не слышишь меня?!
- Я слышу тебя слишком хорошо.
- Тогда какого черта ты лезешь в петлю?!

— Потому что Мортен лично подписал приказ о моей утилизации без суда. Потому что элитный Стиратель перед смертью назвал меня «Объектом Ноль». Потому что труп чужого архивариуса говорил со мной памятью моей покойной сестры! — Дариан наклонился вперед, чеканя каждое слово. — Я не знаю, кто я такой. Я не знаю, что со мной сделали в судебных лабораториях. И хуже всего — я до ужаса боюсь того, что сделал с собой сам.

Ли́ра прикусила внутреннюю сторону щеки. Желваки на ее скулах напряглись так, что кожа натянулась до белизны.

Она молчала секунд десять, глядя на темный скол кристалла.

— Если твои зрачки начнут закатываться, — глухо произнесла она, — я вырву эту дрянь из твоей руки клещами. Без наркоза.

- Если я начну уходить за грань — не трать время на уговоры. Рви.
- Садись на стул.

Дальше она работала без единого лишнего звука.

Сначала Ли́ра щедро плеснула технического спирта на воспаленную царапину на его предплечье — Дариан только крепче сжал челюсти, когда кожу обожгло ледяным пламенем. Затем она достала из-под раскладушки два широких брезентовых ремня и намертво притянула его левое запястье и локоть к толстой дубовой доске стола. Третий ремень она перекинула

через его грудь, затянув пряжку на спине с такой силой, что ушибленные ребра Дариана отозвались глухим стоном.

— Слишком туго, — выдохнул он.

— Это для того, чтобы ты не сломал мне челюсть, когда начнется перегрузка.

— У тебя наверняка есть запасная в сумке.

— Она лежит в твоём черепе. Заткнись.

Лира достала из бархатного чехла тонкую хирургическую иглу с раздвоенным латунным наконечником. Точным, ювелирным движением она зажала между полированными зубцами обугленный скол мнемо-кварца.

— Держи, — она сунула ему в зубы сложенную вчетверо полосу толстой сыромятной кожи. — Считаю до трех.

Она вогнала иглу в центральный серебряный рубец на счете «два».

Удар пришелся не по руке — по стволу мозга. Дариана вскинуло на досках, брезентовый ремень с визгом врезался в ребра, выдавливая из горла хриплый вой. Зубы пробили сыромятную кожу. Серебряные шрамы на предплечье вспыхнули ослепительным белым светом, который через секунду перешел в ядовито-голубое, режущее сияние. Игла в пальцах Леры ходила ходуном, вибрируя с сухим ультразвуковым звоном.

— Не смей дергаться, скотина! — закричала она сквозь гул.

Дариан не слышал собственного крика. В ушах стоял чудовищный, нарастающий рев, будто его голову засунули внутрь работающей паровой турбины.

Осколок вошел глубже, касаясь нервного ствола.

Реальность треснула и осыпалась осколками.

Он снова стал архивариусом.

Но на этот раз сознание не просто наблюдало со стороны — два чужих мира сплелись в один кошмарный узел. Дариан одновременно чувствовал, как его собственное тело бьется в ремнях на грязной станции «Бездна», и ощущал старческую, слабую руку Торренса Варда, сжимающую холодный металлический пропуск. В нос одновременно ударил запах вековой библиотечной пыли, дорогого парфюма и технического спирта.

Верхний Ярус.

Огромные золоченые двери депозитария банка «Аурум».

На полированном металле створок горит массивный барельеф — стилизованное солнце с двенадцатью гранеными лучами. Архивариус прикладывает служебный жетон к сенсорной панели. Пневматический лифт бесшумно уходит вниз, в недра золотого квартала.

В руках старика — тяжелый продолговатый футляр из черного мореного дуба. Внутри лежит не кристалл и не ценные бумаги.

Там лежит Ключ.

Хартия.

Это слово обожгло мозг Дариана, как клеймо.

Хартия Города.

Оригинальный, первоначальный договор основания Этернополиса — документ, который официально считался сгоревшим при великом пожаре сто лет назад. В школьных учебниках о нем оставили две строчки, в следственной академии запрещали даже упоминать.

Архивариус подходит к бронированной стене хранилища.

Ячейка Ноль. Не сотая, не десятая. Ноль.

Старик опускает футляр в открывшийся паз. Зеркальная панель терминала над ячейкой вспыхивает зеленым светом, сканируя сетчатку.

На полированном стекле проступает системная строка:

«ПРИНЯТО. РЕЖИМ БЛОКИРОВКИ. ДОСТУП РАЗРЕШЕН ТОЛЬКО ПО ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ЛИНИИ ВЕЙЛ».

Дариана внутри видения скрутило судорогой.

Картинка дернулась и сорвалась в бездну.

Новая комната. Чужая? Нет, пугающе знакомая.

Белые кафельные стены, мерцание медицинских мониторов. Высокий седой мужчина с усталым, осунувшимся лицом держит маленького Дариана за плечи. Пальцы мужчины сжимают ткань детской рубашки так сильно, что костяшки белеют.

«Если начнется Жатва, Дариан... ты должен стереть всё. Ты должен забыть».

Дариан отчаянно пытается взглянуть в черты лица мужчины, но там — сплошная белая пелена, смытая безжалостным ластиком амнезии. Только голос. Глубокий, низкий, родной.

Затем сквозь белизну прорывается лицо Элины. Она совсем рядом — протягивает руку сквозь рев воющей пожарной сирены. Ее губы шевелятся, она кричит что-то важное, отчаянное, но звуки тонут в грохоте рушащихся перекрытий.

Дариан силится прочитать по ее губам.

Не успевает.

Внутренняя «стеклянная кровь» требует свою плату за прорыв. Внутри его собственного черепа вспыхивает безжалостный ментальный пожар.

Нет.

Только не это.

Не трогай ее!

Дариан рванулся всем телом. Правый ремень на груди с глухим треском лопнул. Лира навалилась всем своим весом на его левое предплечье, вдавливая руку в стол:

— Дариан! Смотри на меня! Вернись!

Он не видел ее.

Перед внутренним взором стояла залитая солнцем веранда их старого дома. Маленькая Элина держит в руках плотный бумажный пакет, перевязанный бечевкой. На шершавой бумаге чернилами нарисована неуклюжая птица с расправленными крыльями. Сестра смеется, прячет пакет за спину и кричит: «Угадай, что я нашла в архиве отца! Сегодня же твой...»

Какой день?

Дариан знал это секунду назад. Он помнил дату, помнил погоду, помнил вкус пирога на столе.

Белый свет в серебряных рубцах стал невыносимо ядовитым.

Пакет с нарисованной птицей растворился в дыму.

День рождения? Нет. Праздник основания? Пустота.

Целый пласт детских воспоминаний посыпался, как сухой песок сквозь пальцы. За ним в топку потянулись другие осколки: Элина, читающая книгу у окна; Элина, спорящая с патрульным; смех сестры в полутемном коридоре...

— Хватит! — сорванный крик Лиры пробил вакуум.

Она с силой дернула латунные щипцы на себя.

Игла выскочила из разрезанного шрама вместе с густой каплей темной крови. Скол мнемо-кварца с шипением коснулся воздуха и мгновенно рассыпался на столе кучкой мертвого черного пепла.

Дариан рухнул лицом на мокрые дубовые доски стола.

Несколько бесконечно долгих секунд в комнате было слышно только его прерывистое, хриплое дыхание. Пульс молотил в висках тяжелыми глухими толчками. Язык распух от крови — зубы пробили кожу кляпа до мяса.

— Имя, — раздался над ухом жесткий, дрожащий голос Лиры.

Дариан с трудом оторвал лоб от столешницы. Глаза слезились от едкого спиртового пара:

— Что?..

— Твое имя. Быстро.

— Дариан... Вейл.

— Где мы находимся?

— Станция метро «Бездна». Нижний сектор.

— Кто я такая?

Он сфокусировал мутный взгляд на ее растрепанных медно-рыжих волосах, на брезентовой куртке, на черном масляном пятне, въевшемся в кожу у нее под нижней губой:

— Лира Сольвейг. Самое невыносимое создание во всем Этернополисе.

Она шумно, с присвистом выдохнула через нос, и ее плечи наконец опустились.

— Элина? — тихо спросила она, не отводя взгляда.

В затылке застыла ледяная пустота. Словно из картотеки выдрали ящик с корнем, оставив в стене темный пролом.

Контуры остались.

— Моя сестра.

— Что ты помнишь о ней прямо сейчас?

Дариан закрыл глаза, вглядываясь в темноту.

Темные волосы. Серые глаза. Тот самый запретный фонтан в Верхнем парке. И обрывок фразы: «Беги, они пришли за архивом».

Но между этими фрагментами зияла мертвая, серая пустыня. Пакет с нарисованной птицей исчез навсегда. Праздник, когда она подарила ему что-то важное, стерся из реальности, оставив лишь ноющее чувство невосполнимой утраты.

— Слишком мало, — глухо отозвался он. — Почти ничего.

Лира молча взялась за пряжку уцелевшего ремня на его груди и расстегнула ее:

— Тварь ты, Вейл.

— Сам знаю. Спрашивай.

— Что ты вытащил из камня?

Дариан медленно повернул голову к столу, глядя на лежащий рядом карабин Стирателя:

— Центральный депозитарий банка «Аурум».

— Верхний Ярус, — нахмурилась Лира. — Самый охраняемый квартал в городе.

— Подземное хранилище. Бронированная ячейка номер Ноль.

— Что архивариус туда спрятал?

— Хартию Города.

Пальцы Леры замерли на ремне. Ее брови медленно поползли вверх:

— Ту самую? Оригинал договора основания?

— Если Торренс Вард не бредил перед тем, как превратиться в кусок кварца.

— Ее же уничтожили сто лет назад во время мятежа литейщиков.

— Как и подразделения Стирателей. Как и проект «V-0». В архивах Суда много чего не числится, пока за это не начинают стрелять в затылок.

Она нервно провела пятерней по волосам, случайно выдернув фиксирующий карандаш. Медно-рыжая копна тяжелой волной рассыпалась по ее плечам.

— В «Аурум» с улицы не сунешься, Вейл. Без судейского допуска нас на первой же ступени положат.

— Значит, мы достанем допуск.

— У кого?

— У Барона.

Лира резко вскинула голову. Ее глаза сузились:

— У какого еще Барона?

— Других баронов у нас нет. Он держит шлюзы и скупку на бойнях.

— Керн и его вышибалы работают напрямую под ним!

— Тем лучше. Значит, у нас уже есть общие темы для светской беседы.

Дариан с трудом оторвался от стола и поднялся на ноги. В левом предплечье пульсировало незнакомое, странное ощущение: осколок кристалла сгорел без остатка, но вдоль центрального серебряного шрама теперь пролегла тонкая, угольно-черная полоса — словно под кожей намертво запекся высоковольтный медный провод.

Он рефлекторно прижал ладонь к груди, нащупывая круглый медальон под свитером. Металл был горячим.

Медальон никогда прежде не отдавал теплом. Сейчас серебро жгло грудь сквозь мокрую ткань сорочки, как раскаленный пятак.

Лира мгновенно уловила его жест:

— Покажи.

— Нечего смотреть.

— Это артефактная болванка?

— Старая семейная безделушка. Отец оставил перед смертью.

— Семейные безделушки не начинают кипеть после того, как ты засадишь себе в нервы военный кристалл Суда, — Лира сделала шаг вперед, протягивая руку к его воротнику. — Покажи, сказала.

Дариан отступил на полшага назад, перехватив ее запястье в воздухе:

— Не трогай.

Они замерли друг напротив друга, тяжело дыша. Лира медленно, с легким вызовом опустила руку и спрятала ладонь в карман засаленной куртки.

В этом движении полы ее куртки на секунду распахнулись.

На тонкой стальной цепочке у нее на шее качнулся и тускло блеснул в свете спиртовки маленький медный шестиугольник со сложным радиальным узором и шестеренчатыми прорезами по краям.

Дариан успел заметить тонкую гравировку в центре — старый знак закрытых инженерных лабораторий.

Лира торопливо запахнула куртку, застегнув молнию до самого горла:

— Ладно. Пойдем к твоему Барону.

— Утром.

— Почему не прямо сейчас? Время идет.

Дариан посмотрел на свои пальцы. Левая кисть мелко, непрерывно подрагивала, а в глазах все еще плавали мутные серые пятна:

— Потому что прямо сейчас я не уверен, что смогу подняться по лестнице на платформу и не свернуть себе шею.

Лира хмыкнула и кивнула подбородком на продавленную раскладушку у стены:

— Давно бы так. Ложись, пока на ногах держишься.

Дариан опустился на брезент, не снимая мокрого пальто. Трофейный карабин Стирателя он прислонил к ножке кровати, пистолет положил под подушку, прямо под правую руку. Ребра ныли тупой непрерывной болью, левое предплечье жгло, как от свежего ожога, а во рту стоял стойкий привкус собственной крови.

Провал в сон случился рывком, будто под черепом вышибло центральный рубильник.

В этом сне не было звуков.

Элина стояла на самом краю мертвого черного озера под куполом без звезд. Дариан отчаянно пытался сделать шаг, подбежать к ней, взглянуться в ее лицо — но вместо черт сестры там было лишь гладкое, мертвое белое стекло.

Она медленно подняла руку в тонкой перчатке и указала пальцем не на него, а куда-то далеко за его спину, во тьму заброшенных тоннелей:

«Ты сам попросил меня об этом, Дариан...»

Он проснулся за час до рассвета от собственного судорожного вдоха, сжимая пальцами раскаленный медальон на груди.

В тоннеле стояла глухая, неподвижная темень. Где-то в толще бетона за вибрирующей стеной глухо взвыли паровые магистрали Нижнего Яруса.

Этернополис просыпался под тяжелым слоем смога, вгоняя в чугунные жилы первую порцию перегретого пара.